

Льву Рубинштейну

Выживать мелочь со дна кошелька
 Слепую от блеска заката
 И, выудив, бросить два-три медяка
 В коробку у ног музыканта.
 И – прочь через площадь
 в закатных лучах
 В какой-нибудь Чехии, Польше...
 Разбитое сердце,
 своя голова на плечах –
 Чего тебе больше?

2004

* * *

Мне нравится смотреть, как я брежу,
 Чужой, сутулый, в прошлом
 многопьющий,
 Когда меня средь рощи на ходу
 Бросает в вечный сон грядущий.
 Или потом, когда стою один
 У края поля, неприкаян,
 Окрестностей прохожий господин
 И сам себе хозяин.
 И сам с собой минут на пять вась-вась
 Я медленно разглядываю осень.
 Как засран лес, как жизнь не удалась.
 Как жалко леса, а её – не очень.

2006

* * *

Говорю ли с женой об искусстве
 или скромно блюду тишину,
 речь, в конечном итоге, о чувстве,
 обуявшем меня и жену.
 Иль, сверкая вставными зубами,
 поучаю красавицу дочь –
 снова та же фигня между нами,
 не иначе, сомнения прочь!
 Или с сыном, решительным Гришей,
 за бутылкой тиранов клянчу,
 речь о том же идёт, что и выше –
 в мирных строфах про дочь и жену.
 И когда я с Магариком Лёшей
 в многодневный запой ухожу,
 объяснение одно – он хороший,
 этот Лёша, с которым дружу.
 Даже если гуляю барбосов
 с грубой целью «а-а» и «пи-пи»,
 у тебя не должно быть вопросов –
 это тоже в порядке любви.
 Очень важно дружить и влюбляться,
 от волнения много курить,
 по возможности совокупляться
 и букеты собакам дарить!

2013

* * *

...и гарнизонный кругозор,
 и молодость на кокаине,
 и нигериец-стриптизёр –
 вот, собственно, и всё о Зине.

Прощай, мой свет, пора, разрыв!
 Спиной к мерзавцу в час заката
 застёгивая в гневе лиф:
 «Ты предпочёл бы танки НАТО!»

Я предпочёл бы ветер в поле
 и выпускной в районной школе,
 трель соловья и лепет струй,
 и мимолётный поцелуй.

И, всё-таки, неотразимо
 сиянье этого лица,
 когда, как под гипнозом, Зина
 вдруг оборачивается!

2019

О. Т.

Обычно мне хватает трёх ударов.
 Второй всегда по пальцу, бляха-муха,
 а первый и последний по гвоздю.
 Я знаю жизнь. Теперь ему висеть
 на этой даче до скончания века,
 коробиться от сырости, желтеть
 от солнечных лучей и через год,
 просроченному, сделаться причиной
 неоднократных недоразумений,
 смешных или печальных,
 с водевильным оттенком.
 Снять к чертям – и на растопку!

Но у кого поднимется рука?
 А старое приспособление для
 учёта дней себя ещё покажет
 и время уместит
 на острие мгновения.
 Какой-то здешний внук,
 в летах, небритый, с сухостью во рту,
 в каком-нибудь две тысячи весёлом
 году придёт со спутницей в музей
 (для галочки, Европа, как-никак).

Я знаю жизнь:
 музей с похмелья – мука,
 осмотр шедевров через не могу.
 И вдруг он замечает, бляха-муха,
 охотников. Тех самых. На снегу.

2011

* * *

Старый князь умирает и просит: «Позовите Андрюшу...»
Эта фраза из раза в раз вынимает мне душу,

потому что, хотя не виконты и не графья мы,
в самых общих чертах похоже на смерть моей мамы.

Было утро как утро, солнце светило ярко.
«Позовите Сашу, Серёжу, найдите Марка», –

воскликнула в беспамятстве и умерла назавтра.
Хорошо бы спросить напрямую известного автора,

отчего на собственный мир он идёт войною,
разбивает сердца, разлучает мужа с женою.

Либо что-то в виду имеет, но сказать не умеет,
либо он ситуацией в принципе не владеет.

2013

Фотоколлаж «Легендарной четверки»